

нодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде и в Пскове к появлению ересей».⁸⁵ В. Н. Лазарев указывает, что в композиции, иллюстрирующей «Слово о некоем игумене, его же искуси Христос в образе нищего», «настойчиво звучат нотки плебейской оппозиции против боярской знати»,⁸⁶ а в целом искусство волотовского мастера «перерастает, как и ересь стригольников, узкоцерковные рамки».⁸⁷

М. В. Алпатов, хотя и считает, что наличие этой фрески не позволяет прямолинейно делать вывод об антибоярских тенденциях волотовских мастеров и подозревать их в стригольнической ереси, все же, говоря о необычайной страстности и порывистости в исполнении волотовских фресок, признает, что «в этом смысле волотовские фрески стоят на грани еретического».⁸⁸

Однако уже тот факт, что создателями волотовской церкви и ее росписи были такие ярые борцы с ересью, как архиепископы Моисей и Алексей, заставляет с удивлением встречать подобные высказывания. Как могло случиться, чтобы идеологами православной церкви пропагандировались в церковной росписи идеи, не только противоположные, но прямо враждебные их собственным убеждениям?

Волотовская церковь была построена иждивением архиепископа Моисея в 1352 г. Это был год смерти его предшественника, архиепископа Василия и вторичного возведения Моисея на новгородскую кафедру. Судя по контексту летописи,⁸⁹ церковь была построена или хотя начата постройкой до официального вступления Моисея на кафедру и, следовательно, являлась первым делом, с которым он выступил, едва приняв бразды правления. Чем могла быть вызвана такая поспешность постройки? Как уже было предположено выше, ересь стригольников получила особое развитие в Новгороде в правление архиепископа Василия, благодаря терпимости последнего. Моисей, находясь на покое в Сковородском монастыре, вряд ли мог смотреть равнодушно на положение дел в Новгороде. И вот первым его делом по возвращении к власти является постройка волотовской церкви, которая, очевидно, по мысли ее создателя, должна была стать оплотом против еретического движения. Через одиннадцать лет после постройки церковь была расписана при преемнике Моисея, архиепископе Алексее. Дату росписи, указываемую летописью — 1363 год, подвергли сомнению некоторые ученые,⁹⁰ но, кажется, за последнее время большинство исследователей склоняется к ее принятию. Действительно, нет достаточных оснований в ней сомневаться. Записи новгородских летописей, большей частью почти современные событию, отличались, по свидетельству специалистов,⁹¹ необычайной точностью, в особенности в том, что касалось построек. Точно так же должно быть отвергнуто предположение, что дата 1363 г. могла относиться к малозначительной стилистически и притом единственной⁹² фреске в алтаре,

⁸⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого, стр. 124.

⁸⁶ В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 57.

⁸⁷ Там же, стр. 63.

⁸⁸ М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле, стр. 126.

⁸⁹ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 85; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 362—363.

⁹⁰ В. Н. Лазарев на основании стилистических данных относит волотовскую роспись к послефеофановскому времени (т. е. ко времени после росписи Феофаном Спасопреображенской церкви в Новгороде — 1378 г.). Не имея возможности убедиться в этом путем личных наблюдений, придерживаюсь летописных сведений, тем более что разница в 15—18 лет в данном случае существенного значения не имеет.

⁹¹ См.: Д. С. Лихачев. Новгород Великий, стр. 43.

⁹² М. В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле, стр. 111.